

6. Романские студии начала XXI века: текстовые концепты, нарратив, возможные миры : кол. моногр. / Е.М. Кагановская, А.М. Каратеева, Р.И. Савчук. Киев: Изд. центр КНЛУ, 2012.

7. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М. : Наука, 1985.

8. Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. М. : Красанд, 2010.

9. Cauquelin A. A l'angle des mondes possibles. P. : PUF, 2010.

10. Chaliier-Visuvalingam E. Littérature et altérité. Penser l'autre // Revue d'études françaises. 1996. № 1.

11. Corti M. L'Europe comme «lieu mental» et les «mondes possibles» de la littérature // Identité littéraire de l'Europe. P. : PUF, 2000.

12. Doležel L. Possible worlds in fiction and history: the postmodern stage. Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 2010.

13. Ecrire au présent : débats littéraires franco-chinois [sous la direction de A. Curien]. P. : Ed. Maison des sciences de l'homme, 2004.

14. Escola M. Mondes possibles et textes possibles. URL: <http://www.fabula.org/atelier.Mondespossibles>.

15. Gadamer H.G. Vérité et Méthode. P. : Seuil, 1996.

16. Lavocat F. Théorie littéraire des mondes possibles. P. : Ed. CNRS, 2010.

17. Murzilli N. La fiction ou l'expérimentation des mondes possibles. URL: www.fabula.org/effet/intervent.php.

18. Pavel T. Fictional Worlds. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1986.

19. Rabau S. Les mondes possibles de la philologie classique. URL: <http://www.fabula.org/atelier.php-lesmondesposs>.

20. Ryan M.-L. Possible worlds theory. URL: [file://localhost/Possible-WorldsTheory.mht](http://localhost/Possible-WorldsTheory.mht).

21. Saudan A. Littérature et philosophe. Ecrire, penser, vivre. Rosny-sous-Bois : Ed. Bréal, 2004.

22. Schmitt E.-E. La Part De L'Autre. P. : Albin Michel, 2001.

23. Schmitt E.-E. Milarepa. P. : Albin Michel, 1997.

24. Schmitt E.-E. Ulysse from Bagdad. P. : Albin Michel, 2008.

Possible worlds in the modern French fiction (based on the works by E. Schmitt)

There are considered the main points of the theory of possible worlds in the modern French linguistic school, as well as its use in the interpretation and the analysis of the prosaic works by Eric-Emmanuel Schmitt as one of the representatives of the French literature of the XXI century.

Key words: *possible worlds, polyreference, mental transformation, text world.*

Е.В. ДМИТРИЕВА

(Биробиджан)

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ И ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ (на примере творчества И.А. Файнфельда)

Характеризуется метафизическая поэзия, составной частью которой является трансперсональный опыт. В качестве образцов русской метафизической поэзии цитируются Ф.И. Тютчев, А.А. Блок, О.Э. Мандельштам. Доказывается, что творчество известного дальневосточного поэта И.А. Файнфельда продолжает традиции метафизической поэзии.

Ключевые слова: *метафизическое, метафизическая поэзия, трансперсональное, трансперсональный опыт, русская поэзия, сознание, образ, мотив, традиция.*

Трансперсональное (*англ.* transpersonal) – термин, применяемый в трансперсональной психологии для описания явлений, характеризующихся расширением сознания за пределы привычного Я и за границы времени и пространства [5, с. 925]. Переживание отождествления Я с онтологической первоосновой мира (Бог, Абсолют, Космическое сознание и т.д.), преодоление субъект-объектной дихотомии – суть трансперсонального опыта.

Трансперсональное, означающее надличностную сущность сознания человека, коррелирует с метафизическим – надматериальной сущностью бытия. Поэзия, на наш взгляд, – один из способов как выражения надличностного переживания, содержание которого не соотносимо с общечеловеческим опытом и лежит за границами сознания, так и метафизического осмысления действительности. Метафизическое имманентно поэзии, оно «подобно таким чертам стихотворной речи, как музыкальность, метафоричность и лаконизм», а поэтическое в свою очередь «проявляло себя в ритуальных и сакральных действиях (по своей сути метафизических)» [3, с. 126].

Метафизическая поэзия – «часть философской поэзии, которая выходит за пределы “физического” познания мира и связана с умозрительными поисками сущего, от-

крытием нематериальных источников бытия», а также «поэзия, отчасти исповедующая духовные принципы той или иной религии» [3, с. 124]. Е.А. Иконникова считает, что в русской литературе метафизическая поэзия имеет место в творчестве Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, Е.А. Баратынского, а также в поэзии символистов (на основе тенденции обращения к запредельным, неземным темам).

Поэтические образы Ф.И. Тютчева, раскрывающие «мир души ночной», жаждущий слиться с беспредельным, переживание приобщения Я к иррациональной основе бытия, выступающей в образах бездны, хаоса, а также мгновения экстатического слияния с мирозданием (*Все во мне, и я во всем!* [6, с. 72–73]), входят в поэтическую тему единства человека с абсолютным, трансцендентным миром, постижения истинной сущности Я.

В произведениях символистов, в основе художественной системы которых была установка на созерцание скрытого смысла явлений, представление о мистическом характере искусства, метафизическое проявилось в тематическом и образном воплощении идеи запредельного. Герой «Стихов о Прекрасной Даме» А.А. Блока «прозревает» в обыденной действительности мир невидимый, скрытый, но интуитивно постигаемый. Мистическая встреча с Прекрасной Дамой – земным воплощением Вечной Женственности – есть их соединение. Герой чувствует гармонию с бытием всего существующего (*Мне все равно – вселенная во мне*). Заключительная строфа стихотворения «Все бытие и сущее согласно...» – *Я здесь в конце, исполненный прозренья, / Я перешел граничную черту. / Я только жду условного виденья, / Чтоб отлететь в иную пустоту* [1, с. 28] – являет состояние сверхличностного переживания, преодоления индивидуального Я, мистическое проникновение в тайны бытия.

По нашему мнению, метафизическое – значимая составляющая поэтической системы О.Э. Мандельштама, актуальная для понимания сущности человека и бытия. В стихотворении «Раковина» две ситуации: исходная – состояние разобщенности Я и мира, выраженное в образах мировой пучины и отвергнутой ею раковины; потенциальная – воссоединение человеческого духа со своей первоосновой, возвращение к изначальной целостности (наполнение стен «хрупкой раковины» туманом, ветром и дождем... [4, с. 25]). Мотив возвраще-

ния к истоку (*Останься пеной, Афродита, / И, слово, в музыку вернись...* [4, с. 18]) – по сути метафизический мотив, – соединяясь с темой творчества, приобретает дополнительный смысл. В «Silentium», например, первооснове бытия в ее синкретическом состоянии, являющейся залогом «ненарушаемой связи» «всего живого» (в частности музыки и слова), соответствует творческая первоначальная немота [4, с. 18]. Само творчество, в сущности, метафизично: *И, несозданный мир лелея, / Я забыл ненужное «я»* [4, с. 24] («Отчего душа так печуча...»).

Мы считаем, что творчество современного поэта, члена Союза писателей России И.А. Файнфельда продолжает традиции метафизической поэзии, т.к. художественно-философская система его творчества основывается на «духовном исповедании идеи запредельного» [3, с. 128], опирается на философскую категорию метафизического, обладающую эстетической и художественной явленностью. Ориентация на философско-религиозное познание проявляется в поэтической системе образов, в которую входят Бог и человек, жизнь и смерть, время и пространство, сон и явь, слово и молчание. Именно мотив молчания и слова позволяет обнаружить определенную интертекстуальную связь между стихотворениями И.А. Файнфельда и классиков русской поэзии.

Молчание как экзистенциальная тема впервые стало объектом внимания в поэзии романтизма. К сфере невыразимого в стихотворении В.А. Жуковского «Невыразимое» относятся два аспекта человечности – память (воспоминание – *...О милом радостном и скорбном старины...*) и метафизическое (*сие присутствие создателя в созданье*), при выражении которых «лишь молчание понятно говорит» [2, с. 92].

В стихотворении Ф.И. Тютчева «Silentium!» – метафорическом описании внутреннего, духовного мира, уподобленного Вселенной, – молчание – та экзистенциальная категория, без которой невозможна подлинная жизнь, оно относится к глубочайшей душевной тайне, к тому, что должно остаться неизреченным и противопоставляется слову-лжи. Отсюда призыв к углублению в сферу духовной жизни, тотальной изоляции от внешнего мира.

Молчание в стихотворении «Я жду призыва, ишу ответа...» [1, с. 31] А.А. Блока как один из образов мистического пейзажа (*земля в молчаньи; с ночного неба; с полей*

дремотных) тесно связано с мотивом тайны (*Ночную тайну разрушит слово...*) встречи (*мнятся тайны грядущей встречи...*). Странно длящееся молчание земли оттеняет ситуацию ожидания героем «призыва», однако оно остается единственным «ответом» на его «воззванье». Молчание – залог сохранения «ночной тайны» от разрушения словом.

Бытие в «*Silentium*» О.Э. Мандельштама предстает как синкретическое, недуальное состояние всех явлений до воплощения, до «рождения» (...*всего живого // Ненарушаемая связь*). Молчание по своему внутреннему масштабу тождественно онтологической основе мироздания; оно – своеобразный фундамент мирового бытия и изначальный первоисточник сознания человека.

В творчестве И.А. Файнфельда молчание и слово – один из наиболее разрабатываемых и не всегда однозначных по смыслу философско-поэтических мотивов. В большей степени это относится к теме слова. Например, слово как препятствие для выражения мысли, которая *упирается в слова – / В стену гудящего бетона...* [7, с. 27]. Жест как наиболее первичный (*в глубины спрятанный веками*) и верный язык *встает над мертвыми словами* (Там же). И слово как некая преобразующая, созидаящая энергия: *Батрак, и раб, и властелин – / Со словом выйду из глубин, / Со словом выйду из миров / В единство слитых полюсов...* (Там же, с. 28). Слова, в «недоступных стремнинах» которых *оживают глубины / Летящих веков* (Там же, с. 29), получают метафизическое осмысление. Молчание в художественной концепции поэта также иррационально, оно обладает собственным бытием: *Я вижу, как живет молчанье, / Я чувствую: оно полно / Каким-то странным обещаьем – / Родиться чуду суждено...* (Там же). Появляется образ «азбуки молчания», необходимой для того, ... *Чтоб бездн живых предначертанье / В своих глубинах созерцать* [10, с. 46].

В стихотворениях «Мысль изреченная – не ложь...» (поэтический антитезис тютчевского афоризма) и «В словах молчанье сохрани...» [7, с. 25, 27] выражена идея синтеза молчания и слова, осмысливаемых в абсолютных категориях вечности, истинности. В метафоре «говорящего» молчания поэтический контраст молчания и слова максимально проявляется, и в ней же происходит его максимальное преодоление. Реализу-

ется взаимный кругооборот: молчание – слово – молчание (*Слова даны, чтоб заменить / Одно молчанье на другое...*), т.е. слово вовлечено в молчание, а молчание в то же время имманентно слову (*В словах молчанье сохрани: / Молчанье вечности сродни. / Себя в молчанье переплавь / И говорить его заставь*).

Основная мысль в обоих текстах сводится к тому, что и молчание приравнено к вечности (*молчанье вечности сродни*), и слово, или *мысль изреченная – лишь часть того молчанья, / К которому в конце придешь, / Забыв и радость и отчаянье* – молчания как основы всего (*безмолвие вечно живое* [8, с. 26]). Отрицая тезис Ф.И. Тютчева о лживости «мысли изреченной», используемый для аргументации призыва к жизни во внутреннем мире, И.А. Файнфельд выражает целостное представление о молчании и слове. И в этом он близок, на наш взгляд, к идее «первоосновы жизни», «ненарушаемой связи всего живого» О.Э. Мандельштама. Объединяющим также является пафос единства.

Метафизическая проблематика поэзии И.А. Файнфельда обусловлена тематикой стихотворений, основу которой составляют размышления о жизни и смерти, времени и пространстве, человеке и Боге. Человеческая жизнь развивается в двух потоках: 1) биографическое время, которое конечно (*Вроде не был зеленый, – / Вот и желтый уже...; ... Чтобы дней поседевших остаток / Не казался бессмысленно краток, / С двух сторон зажигаю свечу* [7, с. 8, 15], поэтому закономерно, что поэт желает ... *Узреть в отпущенные сроки / В пейзажах собственной души / Единства сущего истоки / Над одиночеством вершин* (Там же, с. 18)); 2) сакральное время, не ограничиваемое сроками земной жизни (*Живым дождем вольемся в вечность / И будем ждать рожденья час, / Когда людская бесконечность / Опять решит увидеть нас; Жизнь – миг. / Но вечно длятся роды / Ползущих к истине пород!; Пусть кратка земная дорога, / Но вечны иные пути. / Чтоб Солнцем грядущим взойти, / Бессмертие ждет у порога!; В одних мирах моя судьба остынет, / В других родится оттиск ко всему* [7, с. 20; 9, с. 8; 10, с. 17, 68]). Антитеза «миг – вечность» подчеркивает контраст между традиционным и метафизическим осмыслением феномена жизни.

Особенность темы человека в поэзии И.А. Файнфельда определяется идеей его

подлинного рождения – рождения его духовного сознания: – *Ты в Духе родись / Для бессмертных времен...*; *Рожден ты от плоти, / Рожден от земли, / Но это еще не рождение, / Пока в тебе Духа / Ростки не возили, / Сокрыто в тебе постиженье* [10, с. 19]. Родившись духовно, человек обретает и истинное рождение, и бессмертие (метафизическое).

В человеке, исходя из художественной концепции поэта, соединяются земное и небесное (духовное) начала: *В одной глазнице шар земной, / В другой восторг осуществленья. / Земной я? Верно, я – земной, / Но для небесного прозренья!* [8, с. 4]. Как создание Бога он наделен способностью творить себя и свою вселенную: *Не звезды утром в небе гаснут – / Мне откровенье шлет Отец / И открывает мир прекрасный, / Где я – творенье и творец!* [9, с. 15]; *Я растворен и я рожден в пустыне, / Все сам творю по духу своему...* [10, с. 68]. Сотворение самого себя человеком – синоним познания своей духовной сущности, которой он обладает, но не осознает.

Смерть в понимании поэта – не столько прекращение земной жизни, сколько гибель обыденного, ограниченного внешним миром сознания и его «переход» в качественно иное состояние. В стихотворении «Поэт, не жди живой награды...» автор призывает: *...Но три стиха за жизнь сложи – / Рождение, Смерть и Просветление!* (Там же, с. 49). Смерть, взятая во внимание к идее духовного рождения человека, становится даже необходимой для трансформации сознания: *Как проломиться сквозь тщету, / Сквозь постижений пустоту, / Чтоб запредельность обрести / И в смерть души живым войти?* [8, с. 16]. «Смерть души» – это гибель именно того «персонального», земного сознания, для которого характерно дуальное представление о жизни и смерти.

Художественное время в поэзии И.А. Файнфельда в соответствии с концепцией сакрального времени жизни имеет тенденцию к расширению до вечности, начиная со времени сотворения мира Богом: *Творец зажжет свою лампаду, / Персты на голову кладет, / Ни рая нет еще, ни ада, / И Еву змей в саду не ждет»; «У истока времен, / Когда Бог сотворил наши души, / Знаю – было тепло, / Знаю – мыслил о жизни Творец; Я был с Творцом наедине / До всех времен и расстояний* [10, с. 5–6; 9, с. 4].

Художественное пространство также лишено каких-либо физических ограничений, оно тяготеет к расширению до охвата вселенной: *Планета треснувшим яйцом / Дымится на столе у Бога...*; *Посреди пустоты материк золотой, – / Сердцевина дышащей Вселенной...* [10, с. 57, 66]. Иногда пространство инверсируется во внутренний мир: *Все глубже и глубже в себя погружаясь, / Окрестного мира в глубинах касаясь...*; *Бушуют во мне океаны / И реки текут, / Извергаются в бездну вулканы / И птицы поют* (Там же, с. 72, 69). *Время и пространство, утрачивая границы, сливаются: И время с пространством / В единственной точке сливалось, / И видел я бездну вне всяких пространств и времен...* (Там же, с. 69). Пространственно-временной континуум превосходит параметры материального бытия. Трансперсональное переживание сопровождается метафизическим постижением мира. В связи с этим отметим, что в метафизической поэзии объектами художественного изображения являются и выход за пределы «физического» познания мира, и приближение к трансцендентной основе внутреннего Я человека.

Экзистенциальный мотив молчания и слова позволяет соотнести поэзию И.А. Файнфельда с классическими образцами русской поэзии и установить интертекстуальную связь между ними. Мы попытались доказать, что творчество И.А. Файнфельда наследует традиции метафизической поэзии на основании «духовного исповедания идеи запредельного», ее художественно-эстетического воплощения. Образные константы, особенности художественного времени и пространства, интеллектуальный или интуитивный выход за пределы «физического» мира обуславливают метафизическую проблематику поэзии И.А. Файнфельда.

Литература

1. Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. М. : Правда, 1989.
2. Жуковский В.А. «Все необъятное в единый вздох теснится...»: избр. лирика. М. : Моск. рабочий, 1986.
3. Иконникова Е.А. Теоретические аспекты метафизического в поэзии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2005. № 2(6). URL: <http://www.eastjournal.ru/journalm.htm> (дата обращения: 15.12.2011).

4. Мандельштам О.Э. Нашедший подкову: стихотворения. СПб. : Азбука-классика, 2005.

5. Сандберг Н., Кетцер К. Трансперсональная психология (I) // Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. 2-е изд. СПб. : Питер, 2006.

6. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1982.

7. Файнфельд И.А. Слово: стихи / Амур. отделение Хабаров. кн. изд-ва. Благовещенск, 1988.

8. Файнфельд И.А. И сон, и явь, и миражи...: стихи / под ред. Л. Завальнюка. Благовещенск : Изд-во «Амурская правда», 1989.

9. Файнфельд И.А. Душа с небес не возвратится...: стихи / под ред. Л. Завальнюка. Благовещенск : ИКФ «Восток», 1990.

10. Файнфельд И.А. Рука, сжимающая бездну: кн. стихов. М. : Компания «Спутник +», 2008.

Metaphysical poetry and transpersonal experience (based on the creative work by I.A. Fainfeld)

There is characterized the metaphysical poetry, the constituent part of which is transpersonal experience. As the examples of the Russian metaphysical poetry there is quoted F.I. Tutchew, A.A. Blok, O.E. Mandelshtam. There is proved that the creative work by a famous Far Eastern poet I.A. Fainfeld continues the traditions of metaphysical poetry.

Key words: *metaphysical, metaphysical poetry, transpersonal, transpersonal experience, Russian poetry, consciousness, image, motive, tradition.*

